

Чарская Лидия Алексеевна

Сестра Марина

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Л55

Л55 **Лидия Алексеевна Ч.**
Сестра Марина / Чарская Лидия Алексеевна – М.: Книга по Требованию,
2022. – 328 с.

ISBN 978-5-521-29813-6

ISBN 978-5-521-29813-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

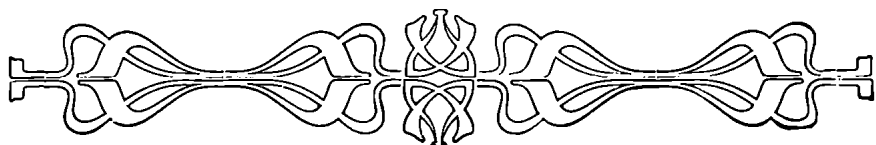
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА I.

В домъ генеральши Махрушиной встаютъ поздно. Даже прислуга позволяетъ себѣ нѣкоторую роскошь—подниматься не раньше восьми часовъ. Поэтому, когда на большихъ бронзовыхъ, въ видѣ скачущаго рыцаря, часахъ на каминѣ въ гостиной пробило шесть, въ огромной, роскошно обставленной барской квартирѣ всѣ еще спятъ крѣпкимъ сладкимъ утреннимъ сномъ.

Только въ дальней, находящейся въ самомъ концѣ коридора, комнаткѣ,—въ „Нютиной кельѣ“, какъ ее называютъ домашніе,—наблюдается нѣкоторая жизнь.

Электрическая лампа, подъ абажуромъ, въ углу, освѣщаетъ комнату. Все здѣсь просто и уютно: небольшой диванъ, кожаныя кресла, круглый столикъ, этажерка съ книгами, узенькое трюмо въ углу, за ширмой умывальникъ и кровать. На полочкахъ и стѣнныхъ этажероч-

кахъ—бюсты великихъ людей: Пушкина, любимаго Ньютина поэта, Гёте, Шекспира.

Сама Нюта, тоненькая, стройная, невысокаго роста дѣвушка, съ очень худенькимъ, блѣднымъ лицомъ, которому мертвенный свѣтъ электричества придаетъ нѣсколько болѣзненный оттѣнокъ, съ большими дѣтскими, какъ бы что-то ищущими, пытливыми глазами подъ нахмуренными линіями темныхъ бровей, съ небрежно закрученнымъ на затылкѣ бѣлокурымъ узломъ непокорно выющихся волосъ, стоитъ на колѣняхъ посреди комнаты надъ раскрытымъ ручнымъ саквояжемъ. Тутъ же, подлѣ нея, на диванѣ, разложены двѣ-три смѣны бѣлья, необходимыя принадлежности туалета, запасная блузка изъ темнаго люстрина для каждаго дня, пара мягкихъ туфель, полотенце, небольшая подушка-„думка“ и маленькій серебряный образокъ — благословеніе покойной матери.

Нюта, сосредоточенно хмуря темныя брови, убираетъ дрожащими руками вещи въ саквояжъ. Она замѣтно волнуется... Надо поспѣть, во что бы то ни стало, съ уборкой, пока не проснутся въ домѣ... Не дай Богъ, если кто-нибудь увидить... Хоть одна душа... Донесутъ, и тогда все пропало, все...

Эта мысль ударяетъ какъ молотомъ въ бѣлокурую головку дѣвушки, бросаетъ пятна румянца на ея худенькое лицо, съ нѣсколько крупными большими блѣдными губами.

— Господи, помоги мнѣ!—шепчутъ эти крупныя блѣдныя губы, а дрожащая рука усиленно крестится быстрыми мелкими крестами...

Наконецъ все готово. Необходимыя принадлежности багажа исчезли въ глубинѣ ручного саквояжа, и Нюта, съ легкимъ вздохомъ самоудовлетворенія, поднимается съ колѣнъ.

— Теперь одѣться скорѣе и... и съ Богомъ!

Она подходитъ къ трюмо. Гладко отполированная поверхность зеркала отражаетъ тоненькую, худенькую фигурку въ изящномъ (о, слишкомъ даже изящномъ, къ глубокому огорченію Нюты!), спитомъ по послѣдней модѣ, платьѣ, дѣлающемъ ее похожей на барышню изъ аристократическаго дома.

Нюта смотритъ на свое нарядное платье, съ вычурнымъ фасономъ, и горькая усмѣшка скользитъ по ея губамъ, когда она шепчетъ:

— Еще бы! Нельзя было сдѣлать хуже, нежели у Женни. О, эта педантичная справедливость tante Sophie!.. Сколько стоила она мнѣ слезъ и горя! Вѣдь не любовь это, нѣтъ, а боязнь, чтобы свѣтъ (ахъ, этотъ свѣтъ!) не подумалъ: „родную дочь балуетъ и любитъ, а племянницу держать въ черномъ тѣлѣ“... Слава Богу, скоро... скоро теперь... сейчасъ избавлюсь отъ всего этого.. Никого, никого не жалѣю, только Марину... Милая она... Но чѣмъ же рискуетъ Мариночка?.. Душа моя! Отплачу ли я тебѣ когда-нибудь за все это!..

Зеркало отражает взволнованное блѣдное лицо, дрожащія губы и блестящіе слезами сѣрые глаза: Нюта проворно смахиваетъ слезы, надѣваетъ шляпу... Шляпа эта—темнаго фетра съ большимъ страусовымъ перомъ.

Слишкомъ нарядная шляпа...

Но что дѣлать?! Она выбрала самую скромную. Другія—еще наряднѣе, свѣтлѣе. Эта хоть темнаго цвѣта, и то спасибо. Ахъ, тетя, тетя!

Шляпа заколота... перчатки надѣты... Длинный, покроя сюртука, англійскій жакетъ прикрылъ тоненькую миниатюрную фигурку. Саквояжъ въ рукахъ.

— Теперь, живо!

Въ послѣдній разъ Нюта окидываетъ глазами свою „келейку“, небольшой диванъ, на которомъ такъ сладко грезилось съ томикомъ поэта въ рукахъ, письменный столъ, бюсты любимыхъ классиковъ... Милая келейка! Какъ трогательно отстаивала ея независимость Нюта, когда генеральша Махрушина хотѣла во что бы то ни стало устроить гнѣздышко племянницы по образцу комнаты ея дочери, высокой вертлявой свѣтской барышни Женни. Вся энергія Нюты обратилась тогда въ одинъ протестующій вопль. Пусть мучать ее самое, Нюту, модными покроями костюмовъ, изысканными фасонами шляпъ, но не уродуютъ ея „келейку“ ненужными, бьющими на эффектъ, украшеніями, булями, столиками. Ей нуженъ свѣтъ и уютъ, и больше ничего.

Она подходитъ къ столу, беретъ съ него записку,

написанную еще наканунѣ съ вечера, и шопотомъ читаетъ ее:

„Дорогая тетя! Не сердитесь, умоляю васъ, на вашу злую, неблагодарную Нюту. Но такая жизнь мнѣ больше не по плечу... Я уѣзжаю къ бабушкѣ въ „Иринкино“... Забудьте меня. Благодарю васъ и Женни за все, что вы сдѣлали для меня.

Нюта“.

Прочитавъ записку, она кладетъ ее на прежнее мѣсто и легкимъ призракомъ, на цыпочкахъ, проскальзываетъ въ дверь.

□ □

Тихо въ коридорѣ... И во всей квартирѣ тихо, какъ ночью...

Робкій шелестъ Нютиныхъ юбокъ едва-едва нарушаетъ эту тишину.

— Скорѣе! Скорѣе!

Сердце Нюты стучить такъ громко, что, кажется, готово поднять на ноги весь домъ. Румянецъ то приливаетъ къ лицу, то отливаетъ къ сердцу. Шумъ въ головѣ, стукъ въ вискахъ и непріятная сухость въ горлѣ.

Слава Богу, коридоръ пройденъ. Сейчасъ гостиная, большая зала и японскій будуаръ Женни. Если кто-нибудь изъ прислуги производитъ въ этотъ ранній часъ уборку комнатъ, о... тогда—горе ей, Нютѣ... Ее задержатъ... Пойдутъ будить tante Sophie... Начнутся упреки,

обмороки... истерики... слезы... Нѣтъ! Нѣтъ! Невозможно!.. Сердце вдругъ перестаетъ биться въ груди Нюты... Она стремительно распахиваетъ дверь...

Въ тотъ же мигъ что-то теплое, мохнатое, огромное бросается на нее.

Громкій крикъ испуга готовъ сорваться съ устъ дѣвочки. Но она во-время подавляетъ его.

— Турбай! Голубчикъ! Не узналъ, глупый!

Ея дрожащія руки обхватываютъ мохнатую шею и прижимаютъ къ груди огромную голову геркулеса-ню-фаундлэнда.

— Милый! Милый! Одинъ ты любилъ меня здѣсь! Одинъ, голубчикъ! Прощай, Турбаинька! Уходитъ Нюта! Навсегда уходитъ отъ тебя!

Умные, преданные глаза собаки поблескиваютъ въ осенней утренней мглѣ гостиной. Горячій влажный языкъ уже успѣлъ ~~полизать~~ полизать лицо, волосы и руки дѣвочки. Собака тихо визжитъ, точно понимая, что лаять нельзя.

Когда Нюта, нацѣловавъ вволю, сквозь слезы, мохнатые бѣло-черныя уши и такую же пеструю голову, скользитъ по направленію къ передней по длинной амфиладѣ комнатъ, Турбай, безшумно ступая огромными мохнатыми когтистыми лапами по коврамъ, идетъ вслѣдъ за нею.

Въ передней—большой красной, подъ „адское пламя“, комнатѣ, съ оленьими рогами, вмѣсто вѣшалокъ, и го-

:- Прощай, Турбаинька! Уходить Нюта!..

ловами-чучелами лосей по стѣнамъ — Нюта останавливается, еще разъ гладитъ Турбая и неожиданно распахиваетъ входную дверь. Распахиваетъ и захлопываетъ сразу. Этотъ неожиданный маневръ наполняетъ негодованіемъ преданное собачье сердце.

До сихъ поръ четвероногій другъ еще надѣялся, что его молоденькая хозяйка возьметъ его съ собою въ этотъ ранній часъ. Но, обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, Турбай громкими негодующими звуками заявляетъ свой протестъ...

Теперь онъ уже не стѣсняется больше. Громкій, неистовый лай огромнаго животнаго наполняетъ сразу весь домъ.

Турбай лаетъ ожесточенно, изо всѣхъ силъ, всѣмъ своимъ существомъ. Эти жуткіе звуки несутся вслѣдъ за Нютой, съ отчаянной стремительностью сбѣгающей съ лѣстницы.

— Силы небесныя! Онъ разбудитъ весь домъ!

Миніатюрная фигурка прыгаетъ черезъ три ступеньки внизъ, затаивъ дыханіе, прислушиваясь къ тому, что происходитъ за нею.

— Скорѣе! Скорѣе!..

Швейцаръ Модестъ, почтенный старикъ съ большою серебряною медалью на шеѣ, успѣвшій только что выпить стаканъ кофе, подмести лѣстницу и накинуть ливрею, съ удивленіемъ оглядываетъ барышню.

— Въ такой ранній часъ и одна? Куда могла

собраться въ такую рань генеральская племянница?— является невольно мысль въ головѣ старика.— Не мало не много, а вѣдь едва лишь пробило семь часовъ.

— Добраго утра, барышня,—говорить онъ своимъ нѣсколько хриплымъ голосомъ.

— Здравствуйте, Модестъ!—отвѣчаетъ Нюта.

Голосъ ея срывается и дрожитъ. Что, если остановить, не пустить, позоветъ прислугу? Что, если догадается старикъ?

Ей уже кажется, что глаза Модеста какъ-то особенно подозрительно впиваются ей въ лицо, а губы точно складываются для того, чтобы спросить:— „Куда это въ такую рань собрались, барышня?“

Но волненіе Нюты преждевременно. Ея страхъ напрасенъ.

Модестъ предупредительно распахиваетъ передъ нею дверь и, косясь на ручной саквояжъ, бросаетъ лаконическую фразу:

— Прикажете извозчика кликнуть?

Нюта вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Я сама. Не надо.

И какъ-то бокомъ протискивается въ дверь и быстро-быстро выбѣгаетъ на улицу.

На улицѣ осенній дождь, слякоть. Лужи воды на тротуарахъ. Утренній разсвѣтъ, мгlistый и непріятный. Въ ближайшихъ булочныхъ свѣтъ. На углу дремлетъ съ гнѣдой лошадежкой извозчикъ.